

СПАСАТЬ НЕКОГО: КРИЗИС КАК МИФ

Игорь Задорин

Игорь Задорин — руководитель исследовательской группы ЦИРКОН, ранее (1996—1999) возглавлял социологический отдел Управления Президента РФ по связям с общественностью. Эксперт ряда ведущих аналитических центров России

Отношение к российскому кризису было заявлено мной еще в октябре—ноябре 2008 года. Оно базировалось на трех вещах.

Кризис как социальный миф

Во-первых, наша включенность в мировую экономику и, следовательно, влияние ее состояния на нас существенно преувеличена. По-настоящему от мирового кризиса пострадала только российская металлургия и еще несколько отдельных небольших сегментов экономики. Все остальное во многом следствие наших собственных застарелых проблем. Мировой кризис стал не причиной, а поводом разворачивания собственно российского кризиса: в ситуации, когда весь мир кричит, что все рушится, очень многим в России стало гораздо легче решать свои проблемы. Поэтому многие субъекты подогревали кризисную тематику, не имея на то реальных оснований. Как иногда го-

ворят аналитики фондового рынка, «скорее всего, курс акций такой-то компании будет иметь дальнейшую тенденцию к повышению, хотя фундаментальных причин для этого нет».

Во-вторых, у кризиса в России есть множество заинтересованных лиц. Скажем, компании, которые были заинтересованы в сбросе избыточной или слишком дорогой рабочей силы. Известны конкретные примеры, когда под крики о кризисе конкретная компания увольняла всех сотрудников, а через какое-то время нанимала ровно столько же, но китайцев. И некоторые государственные структуры, и многие бизнес-структуры, особенно банки, были очень заинтересованы в спекуляции на кризисную тематику. Кубышку Стабилизационного фонда, как ни пытались, не могли откупорить четыре года. А вот мировой кризис помог.

В-третьих, на настроения рядовых людей, так же, как и на настроения экономических субъектов, в огромной степени влияли и влияют не объективные факторы — ухудшение экономического положения, а информационные. Когда все вокруг говорят, что сейчас все рухнет, люди забирают деньги из банка. Не потому, что на это есть основания, а потому что слух пошел. Информационный фактор влиял на предпринимателей, которые снижали инвестиции, изымали средства из оборота и т.п.

Между тем масштабных изменений, по крайней мере по нашим данным, не видно. Все показатели социального самочувствия чуть-чуть снизились, сейчас они слегка выросли, но это все в пределах 10—15 процентов населения. Послушать некоторых наших коллег, так завтра граж-

данные — никакого серьезного протестного потенциала не было. Не было ни потенциала коллективных протестных действий, ни вообще намерения с чем-то бороться. Подавляющее большинство выбирало позицию: потерпим. Но ведь, как говорил классик, в России гражданскую войну невозможно начать, но ее можно накликать.

Куда ушли страхи?

Информационное поле в России очень «волатильно»: то катастрофично, то излишне оптимистично. Лидеры правительства то говорят, что кризис продлится три года, то, спустя три месяца, что кризис закончился. Эти колебания гораздо более существенны для поведения экономических субъектов, чем колебания социальных настроений. **А народ в целом у нас оказался гораздо более выдержанным, чем власти.**

Сегодня у ранее заинтересованных в развитии кризисной тематики лиц необходимость в этом отпала. Многие экономические субъекты решили в известной степени свои проблемы, иными словами, получили деньги. Они замечательным образом «перекредитовались» после коллективных воплей прошлой осенью, эксплуатируя тезис «если государство не поможет, то компании фактически за бесценок уйдут за рубеж за кредиты». Государство решило их проблемы, дав им деньги всего общества.

Вторым заинтересованным в кризисе субъектом в известной степени были СМИ и так называемое **экспертное сообщество**. Эти субъекты традиционно являются торговцами страхом, получая на этом свои дивиденды. Чем сильнее они напугают

В ситуации, когда весь мир кричит, что все рушится, очень многим в России стало гораздо легче решать свои проблемы

данская война начнется. И где она, тьфу-тьфу? По нашим исследованиям, даже в самый разгар кризиса — в

правительство и население, тем в большей степени они нарастят свой политический вес и символический

капитал. Но уже с весны даже в интернете одной из основных тем, набравшей наибольшую популярность, стал рефрен «надоели вы все с этим кризисом». Запрос на кризисную тематику, на обсуждение и пережевывание кризиса снизился. Соответственно, у экспертов и СМИ тоже снизилась потребность в том, чтобы развивать эту тематику.

Принципиальный тезис по оценке реальности кризиса и его последствий таков: **надо сравнивать текущее положение не с тем, что было в 2008 году, а с тем, что было в 2004–2005 годах.** В 2008 году было слишком хорошо, а сейчас мы вернулись к норме, то есть тому положению, которое действительно оправдано для нынешнего уровня российской экономики. К сожалению, российская экономика так устроена, что она не может поглотить даже половину из девяти процентов безработных, обеспечить более высокую занятость. Прежде всего, из-за крайне низкого уровня предпринимательской активности, а вовсе не потому, что нет денег.

Пострадавших от кризиса не так много, как кажется. Доля безработных за период кризиса изменилась несущественно, даже согласно госстатистике она выросла на три процента, с шести до девяти. На эти три процента рынок труда был перегрет в так называемые «тучные годы». На многих предприятиях люди принимались на работу не в силу необходимости, а потому что была возможность. Между тем в последние годы, даже самые на первый взгляд благоприятные, неуклонно снижалось число вновь образованных предприятий. Люди, даже те, кто имел свой маленький бизнес, закрывались и уходили менеджерами в крупную компанию. Сама экономика была не расположена к стремительному развитию и, соответственно, повышению занятости. И это не связано ни с какими внешними обстоятельствами и наличием денег.

Спокойствие, только спокойствие

Первые месяцы постоянно говорилось о пострадавшем «офисном планктоне» и «среднем классе». Однако фокус-группы, которые проводили наши коллеги, и массовые опросы, которые проводили мы, показывали, что многие довольно

спокойно переживали увольнение. Цитаты: «Отлично, наконец-то я займусь детьми», «хорошо, съезжу к друзьям во Францию». Понятно, что такое отношение не является массовым, но для какой-то части уволенных их увольнение не стало трагедией. Трагедией является не собственно увольнение, а перспектива длительной ситуации с безработицей.

Средний класс в большей степени состоит не из предпринимателей малого бизнеса, а из довольно хорошо оплачиваемых сотрудников крупных компаний. Соответственно, он оказался в числе тех, кто получил гос-

всем населением. Эта группа в разы более оптимистична. Это люди с определенными умениями, квалификацией, навыками, и они не чувствуют, что действительно могут остаться не у дел. **У них превалировало ощущение временных трудностей, которые скоро закончатся.** Именно поэтому меня возмущали заявления некоторых высокопоставленных чиновников о том, что кризис продлится три года. По нашим исследованиям было видно: средний класс спокойно относится к тезису о том, что кризис продлится один год (но не три). Потому что это кардинально не меняло их жизненную стратегию.

Народ в целом у нас оказался гораздо более выдержанным, чем власти

поддержку. **Больше других пострадал от кризиса малый бизнес,** однако его доля в занятом населении не столь велика, как должна была быть.

Мы проводили специальные опросы «передовых» групп населения. Это люди с высоким «цифровым статусом» (то есть они включены в коммуникации, являются активными интернет-пользователями), с высоким достатком, с высоким социальным статусом, образованные, живущие в городах-миллионниках, в возрасте от 25 до 45 лет. Это не просто средний класс, а продвинутый средний класс. И сравнивали его со

Прозвучавшие недавно заявления Алексея Кудрина и Эльвиры Набиуллиной, что кризис заканчивается, я как социолог оцениваю однозначно позитивно. Это позитивный сигнал к населению и к экономически активной его части. Это сигнал к тому, чтобы они больше не зажимались, не боялись, начинали активно вкладываться и развиваться. Сам по себе этот информационный сигнал является мощным экономическим фактором выхода из кризиса, даже если «для этого нет фундаментальных причин». ■

Специально для РЖ